

Неизбежно наступает пора, когда потомки восторженно и яростно рвут с традициями в жизни и в искусстве. Современность нетерпеливо подкашивает новое содержание и тяготеет к новым формам. Это закономерно, это знак каждой принципиально новой эпохи, иногда — и предчувствие.

«Мы были сознательными озорниками», — писал Пастернак о новых поэтических формах двадцатых — тридцатых годов. — Писали намеренно иррационально, ставя перед собой лишь одну-единственную цель — поймать живое. Но это пре-

раз обдумывались решения, крепись мастерство начинающих режиссеров.

Много лет я работаю на «Мосфильме». И по давней, обретенной в молодости привычке часто приезжаю на студию в свои нерабочие дни. Повстречаться с коллегами, рассказать про свое, узнать чужие замыслы и надежды, промахи и победы. И, может быть, не в аксиоме пленума, а в товарищеской обстановке, не искореженной личными претензиями, обсудить горестное положение кинематографа.

Да где уж там! Досадная

Страстный, всепоглощающий интерес к правде нашей истории зажег документальное кино. Это понятно. Нужно.

Обнародовать правду — долг кинопублицистики. Но ведь с этой умопомрачительной правдой нужно еще и душевно совладать. Человек внутренне распрямляется не только благодаря умом постигнутой правде, но и непременно путем эмоционального ее постижения. Факт, архивный документ — это ценный росток, из которого талант художника, озарение интуиции, иногда и дар предвидения могут взрастить плодоносящее

Александр ЗАРХИ

ЗАТУМАНЕННОЕ ЗЕРКАЛО КИНО

СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ НЕИСПРАВИМОГО МЕЧТАТЕЛЯ

небрежение разумом ради живых впечатлений было заблуждением. Мы еще недостаточно владела техникой, чтобы сравнивать и выбирать, и действовали нахрапом. Высшие достижения искусства заключаются в синтезе живого со смыслом, действительности с широтой ее понимания». Часто «действуют нахрапом» те, кого потом мы по праву славим как классиков. Не буду обременять читателей примерами, их много — скажу лишь, что надо нераздраженно и тактично относиться хоть и к демонстративному, но исторически необходимому явлению взрывчатого движения искусства. Особенно у нас, где пронзительными долготетиями безапелляционно громились творческие попытки художников выразить время и свое мироощущение.

С таким выстрадавшим отношением смотрю фильмы, созданные за последние годы, и, смиряя в себе полемический запал, жду. Мечтаю о произведениях, впечатляющих остротой нежданных и серьезных проблем, свободным появлением неотлакированных героев в остропроблемных ситуациях, мастерством выразительности. Жду и...

Вот и еще один фильм вышел на экран. Вот и этот проскочил, не задевая соучастием. Ни радости, ни гордости, ни события, ни праздника...

Я слишком долго работаю в кино, чтобы укрыться равнодушием к его нынешней незавидной участи. И, конечно, одолевают пыльные сожаления, неутомные раздумья, услужливо подступают воспоминания. Возникают в памяти те первые двадцать лет, что проработал на киностудии «Ленфильм». Не забыть влюбленность в свое дело, когда не только репетиции, съемки, озвучание, монтаж, обсуждение снятого материала в процессе работы над собственной картиной призывали на студию, но и в свободные дни притягивал звон горячих профессиональных бесед, рабочий дух замыслов — своих и чужих, отзвук компетентных, темпераментных художественных советов, — ведь как дорожили маркой своей студии! Во имя этого в кабинетах, в павильонах царил любимая и усердная работа. В коридорах — встречи, вспышки нелепых споров и доброго юмора. В атмосфере полезной творческой общительности еще

глушь. Большинство кабинетов скучают под ключом, текут длинные коридоры, пустые и грустные, как высохшие ручьи.

Создатели фильмов разбегались в разные завлекательные зарубежно-кооперативные стороны, а уж тут печется каждый о себе, только о себе, и намертво загложил интерес друг к другу, а главное, к общему делу. На «Мосфильме» воцарилась мертвечина губительной разобщенности, эгоистичной незаинтересованности в реанимации задыхающегося искусства кино. Не отсюда ли и пустые кинозалы? А ведь так было не всегда...

Нами прожиты долгие опасные годы под прессом разъяренного беззакония — за них расплатой жизненный страх, скомканное достоинство человека, острая скорбь по безвинно погибшим. Дорого обходятся и годы брежневской себялюбивой власти, позорно-жадной до материальных благ — за них расплачиваемся безбожным растлением природы и человеческой совести. Десятилетиями прозябало и оскорбительно загнанное в угол искусство. Сколько выстрадавших и несостоявшихся замыслов и судеб, сколько фильмов, покалеченных беспрекословным вмешательством власти предрежающих чиновников, — к несчастью, Сталин любил кино. И потому тяжело, да и небезопасно было в тисках неопоримых указаний под гнетом хваткого пренебрежения талантом и своеобразием художника создавать фильмы, поддерживающие мужество и надежды людей, фильмы, возвеличивающие человека и его идеалы.

А ведь удавалось иногда. И прорывался порой еще неубиенный дух романтики, когда неоскверненная идея освещала замысел и настойчивую веру в будущее. Это было необходимо и для художника, и для зрителя как способ духовного самосохранения.

Сегодня «душе настало пробужденье». Вместе с гласностью, со свободой мнений явилось окрыляющее художников право на свою тему, на индивидуальное образное решение. Пришло время вольно заиграть смелым задумкам, творческим исканиям формы, и охладевший зритель, справедливо отвернувшийся от экрана, вправе был ждать воскрешения бывшего отрадного интереса к кино. И... не случилось!

древу искусства. Корнями правды питается художественный вымысел, и потому «...только то вносится в сокровищницу души нашей, что приняло художественный образ» (Аполлон Григорьев).

Установка на свободу искусства отвергла запреты. Появилось несколько лент, умно, прочувствованно, проникновенно соотносящихся с современностью, и не только тематически, не только внутренним движением сюжета, но и поисками более емкой выразительности. Но, к стыду нашему, такие фильмы не встречают активного интереса ни у проката, ни у зрителя. Не отвлекают большинство режиссеров от поверхностного отклика на текущую действительности.

А в то же время какие темы у порога! Из тьмы репрессий высветляются изничтоженные судьбы, достойные не только реабилитаций, мемориалов, надгробий, но и вечной жизни в литературе и в искусстве. Или возьмите фигуры сторонних наблюдателей, привычно скованных страхом и безмолвием, порой страдальческим... Или бывших комсомольцев-романтиков, ныне возвращающих свои партбилеты... Или тех, чья жизнь выкипает в толчее протестов, у кого справедливых, а у кого бездумных, беспашных, бесцельных, потому что просто невмочь разобраться в небывало сложном бытии...

Какие драмы назрели, какие сюжеты плетет фантазия, какие характеры ждут психологического анализа и — убежден! — противостояния. Надежного и энергичного борец и беспомощностью безверия, с гибельным ощущением вселенского падения и мощи разгудавшегося насилия.

Но большинство фильмов, выпущенных за последние годы, будто отмахиваются от драматизма окружающей обстановки. Либо, потворствуя эпидемии безнравственности, щеголяют аморальностью, унижением человеческого достоинства, залихватским торжеством плоти. И сталкивают зрителя с действительностью, главным образом, чтобы вывести на экран человека в распадае, в нищете бездуховности.

(Продолжение следует).

(Публикуется по материалам «Правды» от 5 января).